

ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

Проблема полноты описания значения слова

Г.М. Шипицына

Рассуждая о значении слова, прежде всего надо определиться, на уровне какой единицы это значение рассматривать.

С одной стороны, это может быть уровень слова как лексемы, смысловую структуру которой составляет система ее лексико-семантических вариантов (или семем), если лексема многозначная. Однозначное слово состоит из одной семемы, потому о его смысловой структуре говорить не приходится.

С другой стороны, можно говорить о значении отдельной семемы (и многозначного и однозначного слов), тогда ее смысловая структура будет представлена системой взаимодействующих компонентов смысла – сем.

В данной статье мы рассматриваем значение слова на уровне его отдельного лексико-семантического варианта, называемого далее семемой.

В современной семасиологии утвердилось представление о семантике семемы как о сложном системно-структурном объединении элементов смысла – сем, разнообразных по манифестационным, комбинаторным, информативно-содержательным свойствам и глубине залегания в структуре семемы.

Применение различных методов (компонентного анализа, ассоциативного эксперимента, текстового анализа речевых реализаций смысловых потенциалов слова, статистического анализа, межъязыкового и внутриязыкового сопоставления лексической и прагматической семантики, наблюдения за восприятием семантики слов нерусскими и др.) обеспечивает выделение максимально полного списка таких элементов смысла в словах различных частей речи.

Это позволяет выявить тончайшие грани различий в значениях и смыслах семантически однотипных слов, в том числе таких, которые в толковых словарях определяются совершенно одинаково или через близкие единицы словарных толкований, а также путем лексического круга в дефинициях.

“Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые смысловые оттенки, что надо большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая никаких кривотолков” (1, с.304).

Наиболее эффективным методом выделения сем остается компонентный анализ, он широко применяется в исследованиях семантики слов различных частей речи.

На современном этапе разработки компонентного анализа выделение сем в смысловой структуре слова не представляет особых трудностей: показаны пути разложения на семы и конкретной и абстрактной лексики (в работах Л.В. Васильева, В.Г. Гака, Р.М. Гайсиной, Э.В. Кузнецовой, И.А. Стернина). Один из вариантов компонентного анализа разработан нами (2).

На наш взгляд, трудности компонентного анализа связаны с квалификацией его результатов. В специальной литературе отмечается неудовлетворенность результатами компонентного анализа в связи с тем, что разные исследователи компонентного состава

одних и тех же слов не получают абсолютно одинакового списка сем; многие авторы при оценке результатов этого анализа выражают неуверенность в законченности и так довольно большого списка сем. Отыскивание причины “разбухания” списка сем, например, такая: “не проводится строгое разграничение собственных семантических признаков слова и признаков, выводимых из языкового и неязыкового контекста, постоянно сопутствующего данному слову” (3, с. 32).

В принципе возможно описание значения семемы и минимальное (через две – три семы) и максимальное (через длинный список сем), также как и любое содержание вообще можно описать коротко и пространно. Например, содержание романа Л.Н. Толстого “Анна Каренина” тоже можно уместить в несколько предложений, если поставить перед собой такую цель.

К принципу экономного описания значения слова, как и любого научного объекта, следует подходить с позиций целесообразности и уместности.

Если семантика семемы описывается (истолковывается) в прикладных целях, в том числе в лексикографической практике, следует искать рациональный минимум сем. Если же значение семемы исследуется в научно-теоретических целях, для максимально полного, детального анализа его структуры не только на поверхностном уровне, но и на глубинном, помогающем найти тончайшие грани различий в семантике одного слова по сравнению с семантикой других слов (особенно, если эти слова, как, например, качественные прилагательные, одинаково истолкованы в словарях), или определить широту реальной и потенциальной валентности слова, то в этих и им подобных случаях исследователи не могут ограничиться минимальным списком сем.

Наш опыт проведения компонентного анализа отвлеченной лексики (различных групп прилагательных и абстрактных существительных) показал, что объем значения слова весьма велик и, главное, – он не имеет четких и определенных на все случаи границ.

Представляется вполне обоснованной позиция семасиологов, предлагающих относиться к значению слова как к вероятностной категории: “... важно подчеркнуть, что усвоение и развитие вероятностного подхода к значению – одно из главных условий развития семасиологии вообще и теории лексического значения в частности” (4, с. 65).

В некоторых работах предлагается разграничивать, наконец, “ближайшее” (оно понимается как языковое) и “дальнейшее” (оно понимается как научное, энциклопедическое и специальное) значение слова, ссылаясь на А.А. Потебню. При этом указывается, что лингвистика должна выяснять объем только первого из этих значений, т.е. “ближайшего”, а “дальнейшее” значение может быть интересным только для специалистов соответствующих отраслей знания.

Мы не воспринимаем известное рассуждение А.А. Потебни о “ближайшем” и “дальнейшем” значениях слова как своего рода запрет на лингвистическое изучение полного объема семантики слова (семемы), включающего в себя элементы и так называемого “дальнейшего” значения слова. Основанием для этого считаем то, что “ближайшее” значение слова, только одно подлежащее ведению языкознания, А.А. Потебня рассматривал как форму мысли, обеспечивающую узнавание названного предмета “лишь в течение ряда мгновений”, что, по мнению А.А. Потебни, является условием относительного взаимопонимания общающихся. “Ближайшее” значение вызывает поверхностное представление о предмете, но оно достаточно для возбуждения у слушающего мыслей, соответствующих услышанному, т.е. категория “ближайшего” значения понадобилась А.А. Потебне для раскрытия процесса понимания как овладения общающимися общей главной линией смысла в передаваемой мысли. Таким образом, категория “ближайшего” значения полностью укладывается в аспект словесной звуковой формы – возбудителя общих вещественных представлений у говорящего и слушающе-

го, оно не может быть ведущей категорией при рассмотрении значения слова на уровне его полного содержательного объема как средства создания и обобщения мысли.

Выражаясь словами А.А. Потебни, можно утверждать, что “ближайшее” значение слова “только намекает на это значение, дает возможность в случае надобности остановиться на нем и постепенно привести его в сознание, но позволяет и не останавливаться” (5, с. 216). В то же время оно формально пусто, но пусто по-особому. “Пустота ближайшего значения сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что *слово* называется *формой мысли*” (6, с. 217).

Если остановить научную мысль лингвистов на изучении лишь “ближайшего” значения, мы рискуем ограничиться поверхностным знанием об изучаемом объекте. Подтверждение этому можно найти в рассуждениях самого А.А. Потебни: “... ближайшее значение слова *народно*, между тем дальнейшее у каждого различное по качеству и количеству элементов *лично*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредничестве народного понимания, т.е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой – с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности” (7, с. 218).

Таким образом, ученый понимал “ближайшее” значение как общенародное, одинаковое для всех носителей одного и того же языка, “дальнейшее” значение слова – как область индивидуально-субъективной мысли, без которой общий смысл слова, вбирающий в себя всеобщее и индивидуальное, никак не может быть полным.

Наблюдая разнообразные употребления слова в речи (в частности, имени прилагательного) в различных контекстах и ситуациях, приходим к выводу о высокой валентной способности слова и во многих случаях невозможности отделить “языковое” от “неязыкового” значения внутри смысловой структуры семемы, не только в разрядах общеупотребительной лексики, полностью соглашаясь с мнением В.Г. Гака о том, что “чем далее развивается современная семантика, тем все более подтверждается, что ее проблемы не могут быть решены без обращения к объективной реальности, явления которой отражаются в сознании человека и обозначаются средствами языка” (8, с. 95).

Упреки в нелингвистичности компонентного анализа, якобы оперирующего признаками объекта действительности, а не метаязыковыми средствами их обозначения, – несостоятельны. Ведь установить денотат можно одновременно с установлением способа его номинации, а определить лексическое значение слова без обращения к денотату тоже невозможно. Значение слова только тогда и становится понятным, когда становится определенной связь между знаками реалий и самими реалиями, когда слово вызывает представление о реалии, а реалия вызывает представление о слове.

Более того, некоторые аспекты значения слова, прежде всего денотативный и сигнификативный, не могут быть объективно выявлены, если их замкнуть в рамки чисто языковых категорий. Мы не видим необходимости во всех случаях строго отделять “языковое” от “неязыкового” в значении слова в разрядах неспециальной лексики общеупотребительной сферы языка, считая возможным включать в семантику слова и так называемое “научное” и так называемое “бытовое” значение о предмете, т.е. исследовать значение слова в общеизвестном, относительно полном объеме, отражающем семантическую компетенцию носителей языка. А “... семантическая компетенция носителя языка формируется из восприятия слова в коммуникативных актах и из прямого познания предмета номинации в процессе общественной практики, что делает семантический потенциал слова чрезвычайно широким” (9, с. 34).

Исследуемый нами материал подтверждает, что “значение имеет интегральный характер, оно несводимо к небольшому количеству дифференциальных сем, отличаю-

ших данное значение от значений ограниченной группы противопоставленных ему в системе языка слов, оно включает многочисленные семантические компоненты, фиксирующие все признаки предмета номинации, отраженные общественным сознанием” (10, с. 157).

Если наблюдать функционирование слова в речи, убеждаешься в том, что значение слова нелимитировано и невозможно исчерпывающе исчислить семный состав смысловой структуры семемы.

Было бы большой ошибкой ставить знак равенства между действительным объемом лексического значения слова и его словарной дефиницией (т.е. одного из способов его краткого и чисто лингвистического изображения). На это указывал в свое время и А.А. Потебня: “Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно” (11, с. 465-466).

А.А. Уфимцева, изучая вопрос о том, что именно определяется словарной дефиницией – значение слова, его смысл (концепт) или сам объект действительности, названный этим словом, приходит к выводу, что “словарные толкования дефиниции определяют, вернее, идентифицируют, только логико-предметное содержание лексической единицы” (12, с. 138).

Другие лингвисты также приходят к выводу, что “семантика слова в словарях это еще далеко не вся семантика слова” (13, с. 162).

Словарные толкования слова не отражают и не могут отражать тот полный объем структурного значения, который можно получить его семным анализом. Словарные толкования должны быть достаточными для удовлетворения социальных потребностей в информативной полноте, страноведческой и культурно-исторической адресности толкования лексического значения слова.

Сопоставление семного состава значений слов различных частей речи с соответствующими им определениями в толковых словарях показывает, что словарная дефиниция может квалифицироваться как краткая формулировка только денотативной стороны значения, или как частичное одноаспектное отражение семантики слова, или как метаязыковой заместитель смыслового содержания слова, или как отсылочный метаязыковой сигнал о значении слова в сети его системных связей в парадигматических, синтагматических или деривационных отношениях в лексическом пространстве языка.

Сказанное не исключает возможности конструирования модели смысловой структуры семемы, определяющей основные и наиболее регулярные компоненты структуры в пределах системно-языкового (т.е. не модифицированного в индивидуальной речи) значения слова с опорой на данные современных толковых словарей, несмотря на то, что толковый словарь (при всей его важности и незаменимости) оказывается малоинформативным и недостаточным для целей познания семантики слова лицами, в языковом сознании которых метаязыковые сигналы о значении, а также парадигматические сети и модели сочетаемости лексики, не сформированы или недостаточны, или не способны вызвать представление о номинируемом объекте в силу незнания самого объекта номинации носителем языка, т.е. словарные определения далеко не всегда могут регулировать процессы распознавания и осознания значений слов.

Путь дальнейшего совершенствования словарных описаний семантики всех слов, а особенно – очень близких по значению, в использовании результатов семной лексикологии. Уже поэтому семная лексикология должна занять ведущее место среди научных и прикладных направлений лингвистики, изучающих лексическую и грамматическую семантику слова.

Кроме неудовлетворенности тем, что разные авторы получают несходные результаты компонентного анализа, недостатком семной лексикологии принято считать то, что ее основным понятием является сема. Некоторые лингвисты усматривают в этом понятии ущербность и ненаучность, поскольку сема не имеет, по их мнению, материального воплощения в речи, потому не может стоять в одном ряду с остальными категориями, имеющими выход в речь и язык. По этой же причине сема не может быть соотнесена с другими категориями, представленными в разных плоскостях в языке и речи, такими, как пары: фонема и звук, морфема и морф, предложение и высказывание, слово и словоформа, лексема и семема. К семе нельзя подобрать соответствующего ей “партнера” в подобной паре, следовательно, сема как единица, порожденная фантазией лингвиста, не может рассматриваться с позиций материалистического понимания языка; эта категория не подчиняется и закону единства формы и содержания.

По этому поводу заметим следующее.

Стремление во всех элементах языка *непрерывно* обнаружить двустороннюю связь формы и содержания является ни чем иным, как нашим желанием к любому научному объекту применить постулаты диалектического материализма, в данном же случае – уложить семантическую теорию в рамки философского учения о материальной основе языка.

Имея бесспорную материальную основу со стороны звучания, единицы языка тем не менее обладают семантическими характеристиками, не имеющими однозначного соответствия между материальным воплощением и своим содержанием. Свидетельством тому является, например, идиоматичность, проявляющаяся в том, что значение языковых единиц (слов, словосочетаний и фразеологизмов, предложений и их объединений в конструкции усложненного типа) часто бывают гораздо сложнее, чем сумма значений их составляющих частей. Идиоматика смысла – это общая закономерность образования языковых значений.

Следует признать тот факт, что в языке и речи может быть смысл, не воплощенный материально в специальных единицах, т.е. смысл, порождаемый самим соединением таких единиц друг с другом. Согласившись с этим, нельзя не признать, что если есть смысл, материально не представленный в слове, то может быть и часть такого смысла и его единица, т.е. сема. Тем более, что односторонние элементы есть и у других категорий языка, например, ими являются дифференциальные признаки фонем и сами фонемы.

Можно обойтись без помощи *непрерывного* материального выражения сем в речи, поскольку семы не являются единицами речи, также как и единицами языка. Семы – это только элементы смысла, которые не всегда материально представлены в значимой единице языка, иногда они в том невидимом “довеске”, который возникает в момент рождения этой единицы. Значение и смысл – это явления довольно сложной природы, которую человеческий разум не до конца постиг. Бесспорно, что его движущей силой являются происходящие в коре головного мозга процессы, т.е. материальная первооснова порождения и осмысления значений имеется, но каким образом она связана с аналогичными процессами в сознании воспринимающего значение, как, на основе чего обеспечивается очень близкое и одинаковое понимание смысла разными людьми – это до конца в психолингвистике не выяснено.

Иносказательный смысл, подтекст, адресованный только одному из участников беседы, улавливается, очевидно, на бессознательном уровне (хотя он может быть информативно или эмоционально гораздо более важным, чем прямой, понятийно-логический смысл этого же высказывания). Речевая установка общения и коммуникативный стереотип распознают, предварительно анализируют и классифицируют всю поступающую адресату речи информацию.

Кроме языкового сознания и языковой компетентности носителей языка в сознании и понимании смысла играет важную роль общая психологическая деятельность человека. В частности, установка и стереотип – это психологические категории, действующие не в интеллектуальной сфере, а в сфере эмоциональной, дологической, допонятийной.

Если слово отражает в языке предмет или явление реального мира, то сема отражает какую-либо деталь этого предмета, признак этого предмета или явления. Функцию сем в гносеологическом аспекте следует понимать как выражение различий в признаках предметов и категорий действительности. “Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей данного языка различительных черт, объективно присутствующих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему” (14, с. 95).

Если в процессе номинации “заглушается” внимание к различительным чертам предметов и актуализируется роль общих признаков этих разных предметов, происходит вторичная номинация. В ее рождении существенную роль играют дифференциальные семы: они “удаляются” вглубь смысловой структуры, группируются вокруг потенциальных компонентов значения.

Хотя для сем необязательна их манифестация в синтагме, следует отметить, что семы на уровне поверхностных структур имеют множество разнообразных средств своего выражения. Они непременно себя проявляют в речи (хотя для них это и не является основным признаком), причем, во всех видах системных отношений в лексике – в парадигматических, синтагматических и эпидигматических. При этом можно говорить зачастую о многократном и даже избыточном их проявлении, хотя есть, конечно, и особые семы скрытого характера (например, потенциальные и вероятностные).

В заключение отметим следующее.

Существует необходимость в максимально полном и глубоком анализе, синтезе, метаязыковом представлении общей семантики слова, включающей в себя лексическое, грамматическое, деривационное значения и все его дополнительные смыслы прагматического, страноведческого, историко-культурного, эмоционально-экспрессивного и стилистического характера. Следовательно, лингвистика должна располагать и соответствующим этой необходимости методом исследования и описания значений слова. Поскольку ничего лучшего пока не создано, компонентный анализ, при всех его недостатках, остается наиболее эффективным методом описания полного (относительно) объема семантики языковых единиц.

Литература

1. Щерба Л.В. Предисловие (к Русско-французскому словарю) // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.
2. Шипицына Г.М. Об одном методе выделения семного состава членов лексико-семантической парадигмы // Слово в системных отношениях. – Вып. 2. – Свердловск, 1975. – С. 50-65.
3. Кузнецов А.М. Семантика слова и внеязыковые знания // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишинев: Штиинца, 1982.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания. – М.: Высш. шк., 1973.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания. – М.: Высш. шк., 1973.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания. – М.: Высш. шк., 1973.
8. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1986.
9. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.
10. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.
11. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976.

12. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984.

13. Кузнецов А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии // Слово в грамматике и словаре – М.: Наука, 1984.

14. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. – М.: Изд-во Моск. пед-института иностр. яз. им. М. Горького, 1971. – Ч. 1.

Онимы Белгородской области

М.В. Федорова

С середины XX в. широко развернулась работа по изучению топонимов и других онимов России и всех входивших ранее в состав СССР союзных республик. В настоящее время такая работа продолжается, но по Белгородской области (далее – БО) такой материал пока освещен недостаточно. Ранее нами были отмечены топонимические архаизмы среди ойконимов БО типа **Гора-Подол**, **Верхососна** и под. (1, с.169); в работе И.И.Жиленковой описана ойконимия БО с преобладающими рус./слав. базами (2); было обращено внимание на фонетические явления в русских фамилиях нашего региона (3), ибо Белгородская область была создана лишь в 1954 г. объединением Курской и Воронежской областей. Ранее все эти земли входили в Воронежский край, поэтому рассмотрение материалов БО предполагает обращение внимания и на смежные территории. Топонимы южнорусских областей, находящихся в основном на Среднерусской возвышенности (далее – СРВ) (4), показали обитание здесь разноэтничных и разнолингварных коллективов (5), что потребовало уточнений применительно к БО (6, с.24-28). Часть собранного нами материала позволила выделить факты, связанные с финно-угорскими языками (7), но часть его потребовала специального освещения, чем и определяется опубликование предлагаемой статьи.

Прежде всего следует выделить то, что **южнорусские области находятся на Среднерусской возвышенности, которая не была закрыта ледником**, а поэтому была единственной зоной, возможной для лучшего обитания людей. Ее древнейшие обитатели оставили замечательный памятник искусства – «палеолитическую Венеру» из Авдеевской стоянки близ Курска с подобными ей из раскопок, проведенными между Воронежем и Липецком.

Доступ на СРВ с запада был невозможен при огромном заводнении Европы. Языковые данные позволяют предположить, что первопоселенцами на СРВ были беглые плебеи и рабы из области рабовладельческого Присредиземноморья – в связи с рядом древних арабизмов в языках народов Восточной Европы (8). Это были люди разных племен и разной речи, но на СРВ они постепенно образовали праадыгский комплекс, который позднее стал основой для ряда современных адыгских языков и народов. Условно образование этого комплекса относим к VII-VI тыс. до н. э., ибо курскую Венеру можно датировать V тыс. до н. э. Лишь позднее сюда, на СРВ, пришли предки финно-угров, еще позднее – предки индоевропейцев. Предлагаемая нами схема обусловлена излагаемым ниже материалом, облегчая его понимание.

Воронежский край ранее воспринимался на фоне так называемого «Дикого поля», на котором бывали и скифы, и гунны, и печенеги, и половцы, и хазары, позднее – татаро-монголы. Наши материалы показали, что в онимах БО и смежных областей действительно есть факты угорской, мордовской, пермской, саам-